

О. ТОМАС ГАРСИЯ SJ

О. Томас Гарсия (Сантьяго, Чили, 1971).

Священник-иезуит, закончил факультет теологии Католического университета Чили, лицензиат библейской теологии Бостонского колледжа, доктор теологии и библейской теологии Университета Деусто (Испания).

В настоящее время – ректор предсеминарии и директор Культурного центра «Иниго» в Новосибирске.

Сфера научных интересов: мистика, история раннего христианства.

МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И «ДУХОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ» СВ. ИГНАТИЯ ЛОЙОЛЫ

Контекст: Мистический опыт и преображение субъекта

Моше Идель, один из величайших специалистов в области еврейской мистики, определяет мистическую практику как усилие, направленное на то, чтобы на мгновение испытать преображение человеческой природы. С богословской точки зрения, мистическая практика – это поиск, который человек предпринимает, чтобы обрести иную, лучшую, совершенную идентичность. Человеческая идентичность, преображённая конкретным мистическим опытом, выходит за рамки материальных аспектов повседневности и воспринимается как близкая к бессмертию и всеведению.

Поиски преображённой идентичности подразумевают полярность между божественной природой, совершенной и вневременной, то есть Богом, Другим, Абсолютом, как бы мы Его ни назвали, – и нашей человеческой природой, которая воспринимается как нечто несовершенное и временное. Этот дуализм совершенного – несовершенного приобретал разные оттенки в истории религий. Порой он драматически акцентировался, например, в гностицизме и в некоторых формах платонизма, что превращало мистический опыт в призыв решительно выйти за рамки материальности и временности этого мира, чтобы войти в мир небесный и истинный. Мистический опыт в упомянутых дуалистических концепциях предполагает радикальное преображение человека, дабы он смог постигнуть этот небесный мир. Согласно разным древним текстам, человек либо превращается в ангела, либо вновь обретает свою изначальную адамическую природу, либо возводится во священство на небесах. В любом случае, мистическая практика стремится сократить дистанцию между божественным и человеческим, чтобы временно приблизить нас к желанной идентичности, преображая нас в неё.

Несмотря на то, что обе реальности (божественная и человеческая) противопоставляются друг другу, мистический опыт как раз и должен служить средством, позволяющим этим реальностям встретиться. Человек ощущает, что эта божественная реальность, совершенная и вневременная, приглашает его разделить с нею её совершенство, приблизиться к нему и отождествиться с ним. В это страстное стремление, которое представляет собой постоянное интуитивное ощущение человека, и вписывается мистический опыт. Это можно сказать об эмблематических персонажах еврейской мистики Меркабы: о Енохе-Метатроне, Аврааме, Иакове, Моисее, Мельхиседеке, – или о тех же героях литературы Хехалот, Рабби Акиве и рабби Исмаэле. В еврейском апокрифе, известном в своей славянской версии как Вторая книга Еноха, читаем:

Но кто я таков, чтобы описывать необъятное существо Господа, Его лицо предивное и неисповедимое, Его лик многоученый и многогласный? Как рассказать о престоле Господнем, превеликом и нерукотворном, о ликостоянии окружающих Его херувимов и воинстве серафимов, о немолчном их пении? (2 Енох 9,11).

Это можно сказать и о воскресении Иисуса, понимаемом как восшествие на престол и помазание на царство (преображение) на небесах, или о том же Павле из Тарса, который идентифицирует себя со славой Божией, отражённой во Христе, преобразённом на небесах (2 Кор 3,8. 14–18). Это можно сказать и о католичке Хильдегарде Бингенской, которая в 11 веке писала Бернарду Клервоскому:

Отец, я глубоко обеспокоена видением, которое явилось мне путём божественного откровения и которое я видела не телесными очами, но лишь духовно. Несчастливая, и тем более несчастная в своём положении женщины, я с детства видела великие чудеса, которых не может выразить мой язык, но Дух Божий показал мне, что я должна им верить. [...] Посредством сего видения, которое затронуло моё сердце и душу, словно горящее пламя, мне были явлены вещи глубочайшие.

Примеры из всевозможных религиозных традиций можно множить. В рамках католической традиции, которую я представляю, не могу не упомянуть Майстера Экхарта, Франциска Ассизского, Терезу Авильскую, Иоанна Креста, Терезу Младенца Иисуса. Во всех этих случаях встреча с божественными свойствами – *это идея, позволяющая не только представить абсолютно другое, но и вообразить совершенную природу человека, к которой стремятся некоторые люди.* Интуитивное ощущение, которое за этим стоит, связано с тем, что наша «истинная» человеческая природа словно бы затемнена завесой, как бы искажена, а в нас обнаруживает себя желание выйти за рамки этого несовершенства путем когнитивно-эмоционального открытия, являющего нам совершенную реальность, которой мы на самом деле принадлежим.

После всего сказанного, признавая, что консенсус в этих вещах невозможен, я бы хотел определить мистический опыт как такую *ситуацию или момент, который находится за пределами обычного восприятия и в котором субъект вступает в контакт с новыми сторонами реальности, воспринимаемыми как глубина или полнота.* Эта встреча с божественным может означать расширение границ сознания человека, который, возможно, сумеет выйти за пределы субъектно-объектной двойственности, так или иначе ощутив идентичность со своим представлением об Абсолютном или Другом и, как следствие, испытать глубокое эмоциональное волнение, которое проявляется как чувство покоя, испуга, страха, наслаждения или восхищения. Уильям Джеймс обращает внимание на то, что *опыт* может быть маленьким или незначительным, но может быть при этом *завершённым* событием в том смысле, что, пока он длится, ему принадлежит вся *реальность*, в этом *опыте* концентрируется вся сила, которая движет миром. Мистический опыт происходит с субъектом таким образом, что он не может им управлять, помимо согласия, воли или желания самого субъекта. В мистическом религиозном опыте трансцендентность и имманентность соприкасаются в самой своей сути.

Задав этот небольшой и неполный контекст, имеет смысл задуматься о роли Духовных упражнений св. Игнатия в истории западной мистики. Сам собой встаёт ряд вопросов. Как осуществляется встреча человека с Абсолютным в Духовных упражнениях? Какому типу преобразования субъекта способствуют Духовные упражнения? Какие средства способствуют этому преобразению? Тем не менее, далее я постараюсь дать ответ на первый фундаментальный вопрос. Вопрос, лежащий в основе всех взаимоотношений между Духовными упражнениями и мистикой, таков: являются ли духовные упражнения процедурой, ведущей к мистическому опыту?

Духовные упражнения и преобразование субъекта

Как было сказано выше, духовный опыт предполагает *временную встречу субъекта с новыми сторонами реальности, воспринимаемыми как глубина или полнота*. Является ли мистический опыт целью Духовных упражнений св. Игнатия? Какому типу преобразования способствует эта книга, классическое произведение западной духовности? В начале своей книги св. Игнатий даёт «Начало и основание» того опыта, к которому приступает субъект. Это «Начало и основание» можно было бы назвать антропологической базой, на которую опирается Игнатий. Кто такой человек? Каков смысл его жизни? Как выполнить человеческое призвание? Ответ на этот вопрос совпадает с тем преобразованием, к которому стремится упражняющийся. Не будет лишним прочитать этот фрагмент и задержаться на самых важных моментах.

НАЧАЛО И ОСНОВАНИЯ

Человек сотворён для того, чтобы хвалить Господа Бога нашего, почитать Его и служить Ему и посредством этого спасти свою душу. А всё остальное, обретающееся на лице земли, создано ради человека и для того, чтобы помочь ему в достижении той цели, ради которой он сотворён. Отсюда следует, что человек должен пользоваться всем созданным в той мере, в какой оно помогает ему в <достижении> его цели, и в той мере должен от неё отказываться, в какой оно в этом ему мешает. Поэтому нам необходимо стать настолько бесстрастными по отношению ко всем творениям, насколько это дозволено свободе нашей свободной воли и не возбранено ей, так, чтобы мы не желали скорее здоровья, нежели болезни; богатства, нежели бедности; жизни долгой, нежели короткой; и подобным образом во всём остальном, ища и избирая единственно то, что лучше ведёт нас к цели, для которой мы сотворены.

Согласно антропологической концепции св. Игнатия, все силы и способности человека направляются к Богу. Для этого ему необходимо, во-первых, признать неустранимую дистанцию, которая пролегает между ними, и, во-вторых, как следствие, абсолютную зависимость, которая связывает человека с Творцом. Отметим три базовых позиции, которые упоминает святой в связи с отношениями между человеком и Богом: это хвала, почитание и служение. Каждая из этих позиций подчёркивает дистанцию и зависимость между человеком и Богом. Человек признаёт себя творением по отношению к Творцу, занимая позицию не только подчинения, но и благодарности. Человек понимает, что всё, что он имеет, – это безвозмездный дар Божий; в этом и состоит конечный опыт Духовных упражнений, выраженный в так называемом «Созерцании ради обретения любви».

Итак, преобразующее ядро опыта Духовных упражнений задаётся не только признанием этих отношений между человеком и Богом (*для чего* был создан человек), но и второй частью «НАЧАЛА И ОСНОВАНИЯ», которая отражает отношения «вещи-человек» (*для чего* были созданы остальные вещи). Духовные упражнения имеют целью воспитать чувства человека, чтобы он пользовался средствами постольку, поскольку они ведут его к цели, ради которой он был сотворён. Человек должен пользоваться (или не пользоваться) вещами как творениями-мостами (ведущими к Богу), а не как творениями-целями. Духовные упражнения св. Игнатия нацелены на достижения свободы, или бесстрастия, – такой свободы, или бесстрастия, чтобы не попадать в ловушку ни к кому и ни к чему. Это «свобода от» как условие «свободы для» – для выполнения человеческого призвания. Если человек не свободен, или не бесстрастен, перед лицом прочих вещей (денег, здоровья, дружбы, привязанностей), то он не сможет связать себя с Богом хвалой, почитанием и служением.

Вот какое определение Духовных упражнений в краткой форме дано в первом примечании к ним:

Примечание первое: под названием «Духовные упражнения» подразумевается всякий способ испытания совести, размышления, созерцания, молитвы словесной и мысленной и других духовных действий, как об этом будет сказано впоследствии. Ибо, как телесными упражнениями являются прогулка, ходьба и бег, так и все способы, коими душа приготавливается и располагается к освобождению от всех неупорядоченных влечений и, коль скоро они будут уничтожены, к поиску и обретению воли Божией относительно устройства своей жизни и для спасения своей души, — называются «Духовными упражнениями».

Итак, Духовные упражнения можно определить как школу чувств, чья цель — свобода, или бесстрашие, человека для признания и исполнения воли Божией. В этом смысле преобразование субъекта в Духовных упражнениях очень сильно отличается от того опыта, который мы вначале определили как мистический. Духовные упражнения — это не момент огромного обострения чувств, когда субъект выходит за рамки временного и материального, дабы соединиться с Другим или Абсолютным. Духовные упражнения не предполагают такого преобразования субъекта, в котором он обоживается, или превращается в ангела, или чувствует, что соединился с небесными сферами. Духовные упражнения — это процесс, школа чувств, которую проходят шаг за шагом, чтобы стать свободными перед лицом чувств, чтобы научиться различать, избирать и исполнять волю Божию. Духовные упражнения нацелены не столько на преобразование субъекта, сколько на то, чтобы он исполнил свое призвание творения, будучи свободным и щедрым перед лицом Бога.

Чтобы ещё больше подчеркнуть разницу между Духовными упражнениями и мистическим опытом, описанным в разделе «Контекст», я кратко представлю основные моменты процесса преобразования субъекта, выполняющего Духовные упражнения.

Духовные упражнения как школа чувств

В целом, по замыслу, Духовные упражнения длятся месяц. Книга «Духовных упражнений» предлагает примерно 150 часов (или упражнений) молитвы. Из этих 150 упражнений 125 повторяют другие упражнения, то есть не дают новых предметов молитвы. То есть предлагаемая динамика заключается в углублении, персонализации и ассимиляции воспитательного процесса. Духовные упражнения проходят в четыре этапа, которые св. Игнатий называет неделями. У каждой недели своя задача. Её выполнение позволяет перейти к следующей неделе. Антропология, на которой строятся Духовные упражнения, предполагает полную открытость субъекта этому воспитательному процессу. Разум, воля, воображение, чувства — всё в человеке готово к переживанию каждого упражнения и к завершению каждого этапа этого опыта. В каждом упражнении нами движет желание, которое мы стремимся воплотить. Это желание мы можем называть по-разному: цель, задача, дело. Но уместнее будет богословский термин «благодать», поскольку он подразумевает, что именно Бог, а не усилия человека, в конечном счёте, даёт то, чего желает человек. В этом смысле важно сознавать, что человек не приступает к каждой молитве в нейтральном состоянии. Человек ищет и желает определённой благодати. Св. Игнатий описывает эту динамику в каждом упражнении как «Испрашивание у Господа Бога того, чего хочу и желаю». Контекст каждой благодати, о которой мы просим, задаётся *усердной приготовительной молитвой*, которую необходимо совершать в начале каждого упражнения и которая вновь напоминает нам о цели Духовных упражнений:

«Приготовительная молитва есть испрашивание благодати у Господа нашего, дабы все мои намерения, действия и поступки направлялись единственно и исключительно ко служению Его Божественному Величеству и к Его восхвалению». (46)

Именно этот процесс обретения свободы и бесстрастия перед лицом творений обуславливает четыре основных момента Духовных упражнений. Я их кратко перечислю.

Первая неделя: цель – просить о *великой и глубокой скорби и о слезах сокрушения* за грехи, прежде всего, за свои, но также за метаисторический грех (ангелы: гордыня) и за исторический грех (Адам: самообожествление). Это страдающая совесть того, кто понимает, что все его чувства ориентированы на собственное удовлетворение, кто замечает недостаток свободы в использовании средств (денег, здоровья, репутации, имущества) и в своих отношениях с людьми (друзьями, родителями, партнёрами). Эти упражнения нацелены не только на формирование у субъекта острого нравственного сознания, но и на благодарное отношение к Иисусу, который его купил, отдав за него жизнь. Упражняющийся не остаётся в состоянии *скорби и сокрушения*, но стремится к благодарности. Эта благодарная признательность как раз и позволяет ему перейти к следующей, второй, неделе.

Вторая неделя: цель – глубокое познание Господа, «ставшего человеком ради тебя, дабы сильнее возлюбить Его и совершеннее следовать Ему» (104). Упражняющийся начал эту неделю с благодарностью и, полный воодушевления, приступает к *созерцанию* (101) *тайн жизни Христовой* (261). Идея в том, чтобы приложить все чувства (зрение, слух, осязание, вкус, обоняние), созерцая жизнь Иисуса и таким образом постепенно углублять свою близость с Христом и учиться чувствовать и действовать, как Иисус. Вершина этого процесса достигается двояко. С одной стороны, посредством желания, выраженного в беседе 167: *«Я хочу и избираю скорее бедность со Христом бедным, нежели богатство; унижения со Христом, претерпевшим множество унижений, нежели почести, и желаю скорее считаться глупцом и безумцем ради Христа, Которого прежде считали таковым, нежели слыть мудрым и разумным в мире сем»*. С другой стороны – в процессе выбора жизненного положения, который начинается на этом этапе.

Третья неделя: цель – достигнуть большей близости с Иисусом и больше Ему уподобиться, страдая вместе с Ним: *«Просить о скорби со Христом, полным скорби, о сокрушении со Христом сокрушённым, о слезах, о внутреннем страдании при мысли о стольких страданиях, перенесённых Христом ради тебя...»* (203). Мы чувствуем печаль, бессмысленность, пустоту *вместе* со Христом. Только обретя этот опыт, мы приблизимся к финалу пути этой школы чувств.

Четвёртая неделя: цель – признать Иисуса воскресшего, не только созерцая отрывки Евангелия, но и обретая опыт диалога с Богом и любви к Богу. Мы чувствуем себя живыми, признавая всё даром Божиим, а собственную жизнь – приношением Богу. Школа чувств исполнила свою задачу, о чём так прекрасно сказано в знаменитой молитве святого Игнатия: *«Возьми, Господи, и прими всю мою свободу, мою память, мой разум и всю мою волю, всё что имею и чем владею. Ты дал мне всё это, Тебе, Господи, это возвращаю. Всё это Твоё... Даруй мне Свою любовь и благодать, и сих мне будет довольно»*. (234)

Другие отличия Духовных упражнений от мистического опыта

Главное отличие между Духовными упражнениями св. Игнатия и мистическим опытом заключается в том, что Духовные упражнения – это преображающий процесс, который можно определить как школу чувств и который требует, кроме помощи Божией, ещё и терпеливого, упорного труда упражняющегося. В мистическом же опыте процесс преображения сосредоточен в одном миге великого напряжения чувств,

где границы «я» растворяются в безграничности «Другого», или «Абсолюта». Таким образом, перед нами совершенно разные перспективы. Прежде чем закончить, мне бы хотелось добавить несколько последних наблюдений по поводу основного отличия. Все мы знаем, как наука раскрывает тайны мистического опыта с точки зрения разных дисциплин. Неврология, например, очень преуспела в изучении тех частей мозга, которые активизируются в религиозном опыте, и, возможно, способна вызывать мистический опыт «лабораторным» путём. В области теологии сегодня говорят о новой дисциплине, нейротеологии, которая занимается отношениями между мистическим опытом и нейробиологией. Также из антропологии и психологии мы сегодня гораздо больше знаем о некоторых факторах, способствующих мистическим переживаниям. Им способствуют определённые действия, положения тела и вещества. Например, долгие посты, недостаток сна, некоторые позы и интенсивные упражнения, приём некоторых биохимических агентов, голос гипнотизёра, сосредоточение на слушании сердцебиения с пением напевов, долгое наблюдение за вращающимся объектом, медиумические ритуалы, мерная игра на барабанах или маракасах, определённые танцы и т.д. Эти и другие элементы помогают погрузиться в транс – контекст, где возникает мистический опыт. Р. Уолш указывает на то, что основная особенность этого события в том, что *внимание интенсивно фокусируется на внешнем или внутреннем объекте, что снижает сознательное восприятие окружающей действительности, то есть объектов, сенсорных раздражителей или окружающей обстановки, находящихся вне центра внимания.*

Это наблюдение созвучно определению, которое «*Medical-Psychiatric Practice*» даёт состоянию трансa: это состояние характеризуется *внимательным и чутким сосредоточением и снижением периферийного внимания и когнитивной способности различать*. Как все мы знаем, состояние трансa никогда не бывает нейтральным. Нужды человека, его культурная среда и особенно его религиозные убеждения наделяют транс содержанием, превращая его в религиозный опыт. Нет ничего удивительного в том, что всегда и везде такие практики связывались с методами обретения религиозного опыта.

Ни транс, ни мистический опыт не участвуют в преобразующем процессе Духовных упражнений. Ни одно из этих явлений не встречается в Духовных упражнениях св. Игнатия. Напротив, мы видим постоянные побуждения заподозрить себя в эмоциональных излишествах.

Посмотрим, например, как св. Игнатий определяет утешение: *«Я называю утешением такое состояние, когда в душе возникает некое внутреннее движение, от которого душа начинает воспламеняться любовью к своему Творцу и Господу, и вследствие этого невозможно любить ни одну сотворённую вещь на лице земли ради неё самой, но лишь во Творце их всех».*

Но уже раньше в тексте Духовных упражнений звучало предостережение от любых излишеств в переживании утешения, или, по словам Игнатия, от «искушения под видом добра»: *«Если дающий упражнения заметит, что принимающий их продвигается вперёд, получая утешения и проявляя немалое рвение, он должен предостеречь упражняющегося, дабы тот не связал себя необдуманно и опрометчиво каким-либо обещанием или обетом» (14).*

Основная мысль состоит в том, что все эти сильные эмоциональные ощущения преходящи; субъект же, напротив, остаётся, что побуждает нас всё время заботиться о подобающем равновесии.

Духовные упражнения – это школа чувств, способствующая терпеливому и глубокому преобразению субъекта с целью углубления его свободы и щедрости перед лицом Бога. Духовные упражнения – это основополагающий опыт западного духовного наследия.